

№ 16096

XXXVIII-й годъ. 19 Январь 08. Вып. 1-й.

СОДЕРЖАНИЕ 1-го ВЫПУСКА.

СТРАН.

<i>Г. Ѳ. Морозовъ.</i> Памяти Гр. Андр. Корнаковскаго (съ портр.).	
<i>W.</i> Нѣсколько словъ памяти Г. А. Корнаковскаго (съ портретомъ).	
<i>I. П. Арндтъ.</i> Къ характеристикѣ лиственничныхъ лѣсовъ Саурскихъ горъ (съ рис.).	1
<i>II. В. Ивановъ.</i> Типы насажденій Нарфинской дачи (Новгородской губ. Старорусскаго уѣзда) (съ черт.).	10
<i>III. А. Хитрово.</i> Къ вопросу о судьбѣ дубравъ средней Россіи.	42
<i>IV. А. Яценко-Хмьлевскій.</i> Казенный лѣсъ въ Акмолинской области	59
<i>V. А. Замараевъ.</i> Нынѣшняя постановка служебной дѣятельности лѣсныхъ ревизоровъ и ближайшія мѣры къ ея упорядоченію	70
<i>VI. Арк. Молчановъ.</i> Къ исторіи русскаго лѣса	81
<i>VII.</i> Протоколы засѣданій С.-Петербургскаго Лѣснаго Общества.	
<i>VIII.</i> Экскурсія членовъ Лѣснаго Общества въ Охтенскую дачу 13 мая 1907 года.	86
<i>IX.</i> Библиографія и Новыя книги	98
<i>X.</i> Письма въ редакцію: 1) Н. Масленникова, 2) В. В. Шипчинскаго	119

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Спб. Градоначальства, Изм. полкъ, 8 рота, д. № 20.
1908.

† Г. А. Корнаковскій.

Памяти Гр. Андр. Корнаковскаго.

I.

9-го октября прошлаго года семья русскихъ лѣсоводовъ лишилась выдающагося своего члена Григорія Андреевича Корнаковскаго, который былъ звѣрски убитъ возлѣ своей усадьбы разбойниками.

Это возмутительное дѣло произошло такимъ образомъ. 8-го окт., около 4^{1/2} ч. вечера, когда еще было совершенно свѣтло, Г. А. возвращался изъ ближайшаго волостного правленія, гдѣ у него въ тотъ день производились торги на лѣсѣ. Выйдя изъ волостного правленія, находящагося въ г. Борисоглѣбскѣ, Г. А. вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его объѣзчикомъ Кургановымъ, сѣлъ на перваго попавшагося въ городѣ извозчика и поѣхалъ къ себѣ домой, не допуская и мысли, чтобы среди бѣла дня могли совершить на него нападеніе. Переѣзжая черезъ р. Ворону, Г. А. замѣтилъ на мосту какихъ-то подозрительныхъ людей, чего-то выжидавшихъ. Не придавая значенія этой встрѣчѣ, онъ продолжалъ путь дальше. Поднявшись въ гору, будучи уже въ двухъ шагахъ отъ своей усадьбы, онъ подвергся нападенію грабителей, которые выскочили въ числѣ 8 человекъ изъ канавки и изъ-подъ мостика и открыли изъ револьверовъ пальбу залпами по лошади и сѣдокамъ. Смертельно раненая лошадь круто повернула назадъ, коляска вывернулась и Г. А. при паденіи сломалъ себѣ правую ногу и руку.

Видя себя окруженнымъ разбойниками, при полной невозможности сопротивляться, Г. А. бросилъ бывший при немъ револьверъ.

Разбойники, обыскавъ Г. А., отняли у него деньги и бумаги, затѣмъ, по командѣ одного изъ нихъ «бей!» безчеловѣчно разстрѣляли какъ Г. А., такъ и лежавшаго рядомъ съ нимъ объѣзчика Курганова. Г. А. попало 11 пуль, изъ которыхъ нѣкоторыя прошли насквозь, вслѣдствіе чего получилось 14 ранъ. Большая часть пуль попала въ ноги, но двѣ въ животъ, и послѣднія, очевидно, и были смертельными. Разстрѣлавъ свои жертвы и пощадивъ ~~жизни~~

явшаго ихъ на колѣняхъ извозчика, разбойники скрылись. Г. А. съ объѣздчикомъ около 1/2 часа пролежали на дорогѣ, истекая кровью, пока пастухъ, гнавшій коровъ домой, не обнаружилъ ихъ и не далъ знать въ домъ Г. А.

Супруга Г. А., прибѣжавшая на мѣсто происшествія, нашла Г. А. облокотившимся на лѣвый локоть. Первые слова его были: «разстрѣляли! А ты крѣпись! Я же не жилецъ на этомъ свѣтѣ. За что они меня такъ истерзали Я никому не сдѣлалъ зла». По доставленіи въ больницу Г. А. жилъ еще 26 часовъ въ полномъ сознаніи.

Въ предсмертномъ бреду все говорилъ о лѣсѣ и послѣдняя его фраза была о дубѣ: «выросъ большой дубъ, надо его пересадить». Временами являлась у страдальца слабая надежда остаться жить. Какія муки перенесъ онъ, конечно, нельзя выразить словами. Скончался онъ тихо, какъ будто заснулъ, въ 6 1/2 ч. вечера 9-го октября.

Хоронили 11-го. Весь городъ горячо отнесся къ его мученической кончинѣ. Тысячная толпа народа и священники изъ всѣхъ церквей города провожали его гробъ.

Вотъ всѣ подробности этого ужаснаго, безчеловѣчнаго, потрясающаго преступленія.

Г. А. Корнаковскій принадлежалъ къ выдающимся русскимъ лѣсоводамъ, къ числу тѣхъ немногихъ, которые прокладываютъ самостоятельные пути, мысли и шаги которыхъ отмѣчены творчествомъ. Если принять еще во вниманіе тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ приходится работать русскимъ лѣсоводамъ, то по истинѣ поражаетъ той силой воли, которой обладалъ этотъ необыкновенно скромный человѣкъ. Своей необычайно скромной внѣшностью и замѣчательной деликатностью въ обращеніи съ другими онъ могъ производить впечатлѣніе человѣка нерѣшительнаго. Но Г. А., безъ внѣшнихъ атрибутовъ сильной личности, легко уступавшій въ мелочахъ, былъ стальнымъ человѣкомъ въ вопросахъ совѣсти, въ вопросахъ долга и убѣжденій. Онъ умѣлъ отстаивать свои лѣсоводскыя убѣжденія, хотя бы для проведенія ихъ необходимы были многіе годы; неудачи и пораженія, которыя приходилось нести, производили, конечно, свое впечатлѣніе, но онъ не остывалъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ, когда почувствовалось стремленіе казеннаго лѣсничаго превратить въ хозяина, онъ ожилъ и положилъ на дѣлѣ начало тѣмъ мыслямъ и мечтамъ своимъ, которыя давно носилъ въ душѣ своей.

Послѣ работъ Г. А. въ новомъ свѣтѣ намъ теперь представляется картина жизни дубоваго самосѣва. Наблюденія его надъ жизнью самосѣва дуба имѣютъ значеніе не только для Теллермановской и ей подобныхъ рошъ, но и гораздо большее. Эти наблюденія, имѣющія большое принципиальное значеніе, будутъ дальше разрабатываться и отчеты объ этихъ работахъ будутъ помѣщаться на страницахъ «Лѣсного Журнала».

Въ помѣщаемой въ этомъ выпускѣ работѣ А. А. Хитрово читатель найдетъ только что упомянутое дальнѣйшее развитіе и использованіе наблюденій покойнаго лѣсовода. Использование дубоваго самосѣва въ цѣляхъ созданія новаго поколѣнія лѣса привело Г. А. къ изобрѣтенію оригинальнѣйшаго способа, который по существу дѣла ничего общаго не имѣетъ съ обычными черезполосными рубками, цѣли которыхъ совсѣмъ иныя. Въ способѣ Г. А. Корнаковскаго сплошнолѣсосѣчная система рубокъ, какъ это ни звучитъ парадоксально, является системой предварительнаго возобновленія.

Весьма и весьма много данныхъ можетъ видѣть каждый въ пользу такого приѣма въ Теллермановскомъ лѣсу, но покойнымъ лѣсничимъ заложенъ грандіозный опытъ, дожить до результатовъ которыхъ ему, къ страшному огорченію всѣхъ, кто его зналъ и цѣнилъ, не пришлось. Покойный много наблюденій, много мыслей унесъ въ могилу, не успѣвъ ими подѣлиться.

До какой степени онъ былъ прогрессивнымъ по духу человѣкомъ, показываетъ его молодое отношеніе къ нѣкоторымъ новшествамъ послѣдняго времени. Будучи уже немолодымъ человѣкомъ, онъ, однако, послѣ того, какъ убѣдился въ плодотворности ученія о типахъ насажденій, рьяно принялся за науку. Для того, чтобы исполнѣ сознательно отнестись къ ученію о типахъ, необходимо извѣстное физико-географическое образованіе, извѣстное міросозерцаніе, даваемое современнымъ географическимъ почвовѣдѣніемъ русской школы. Сознывая недостатки въ своемъ физико-географическомъ образованіи, Г. А. начинаетъ усердно учиться всѣми способами, какими онъ могъ воспользоваться. Съ охотой учась у другихъ, кто бы это ни былъ, профессоръ или студентъ, онъ весьма охотно, но совершенно незамѣтно училъ другихъ и училъ превосходно.

Необходимо отмѣтить необыкновенно радушное отношеніе его и его семьи къ студентамъ-практикантамъ, которые у него, какъ

у большого мастера, проходили превосходную лѣсоводственную школу, впечатлѣнія которой неизгладимо останутся на всю жизнь.

Г. А. давно уже различалъ въ составѣ своего лѣсничества нѣсколько типовъ насажденій, но по лѣсоводственнымъ признакамъ. Велико было его удивленіе, когда съ этими различіями совпали различія въ почвахъ и грунтахъ: Это былъ такой сильный толчекъ, который заставилъ покойнаго уже въ пожиломъ возрастѣ вновь взяться за книги по геологіи и почвовѣдѣнію.

Г. А. былъ, кромѣ того, превосходнымъ общественнымъ дѣятелемъ въ различныхъ учрежденіяхъ г. Борисоглѣбска, о которомъ мѣстное общество хранить благодарную память.

Смерть Г. А. невозвратимая и ужасная утрата для его осиротѣлой семьи; но она также тоже и для большой семьи русскихъ лѣсоводовъ. Горе его семьи—горе русскихъ лѣсоводовъ.

Да живетъ вѣчно память о немъ, его прекрасномъ нравственномъ обликѣ въ русскомъ лѣсоводствѣ, въ сердцахъ и въ умахъ его дѣтелей.

Г. Морозовъ.